

Издание Херсонского Кафедрального собора Сретения Господня. Публикуемый ниже материал представляет собою подборку из проповедей и телепрограмм отца Иоанна Замараева, а также выдержки из богословских работ и выступлений выдающихся христианских мыслителей

28.10.12

№63 Седмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

СЕЯТЕЛЬ

В нынешнем чтении от Луки – притча Иисуса о том, как сеятель разбрасывал семена. Иное – упало при дороге, и было потоптано, и птицы небесные поклевали его; иное – упало на камень и, взойдя, засохло, потому что не имело влаги; иное – упало между сорняками, и выросло терние и заглушило его; а иное – упало на добрую землю и, взойдя, принесло плод сторичный.

Ученики спросили Христа: что бы значила притча сия? Семя, ответил Иисус, есть слово Божие, упавшее при пути, это суть слушающие, к которым потом приходит диавол и уносит слово из сердец их; а упавшее на камень, это те, которые, когда услышат слово, с радостью принимают его, но, не имея корня, временем веруют, а в дни искушений отпадают; упавшее в терние, это те, которые слушают слово, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются и не приносят плода; а упавшее на добрую землю, это те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении.

Так вот, значит, задача наша на предстоящую седмицу – размыслить, кем мы с Вами являемся – каждый из нас?

Умеренное протестантство и православное сектантство

Среди люда православного довольно много негативных эмоций выплескивается в адрес церквей протестантских. В нашем храме это почти незаметно – воспитание другое, а в масштабе Украины, тем более России, этого полно. И частично это оправдано. В протестантском мире есть страшные секты, и, попав туда, люди иногда теряют абсолютно всё, в первую очередь, себя самих. Примеров приводить можно сколько угодно.

О. Иоанн. «Пастор Павел Кудашев есть такой, харизмат. Надо сказать, человек духовно одаренный, и в свое время я с ним с удовольствием общался. Он даже пару раз в гости в наш храм приходил. И я несколько раз проповедовал в его церкви. Община у него росла быстро. Более 500 человек за два или три года уже стали приходить к нему на служение. Причём, атмосфера в церкви Павла Кудашева была удивительная. Доброта, любовь, открытость, искренность и преданность делу Божию. Впечатления у меня с тех времен остались самые лучшие. Честно говоря, мне самому искренне хотелось, чтобы и наша православная община была такой же деятельной, горячей и преданной делу Божию.

Но в какой-то момент дьявол внушил Павлу мысль о том, что он пророк, особый посланник Божий, в стиле Илии и Еноха. И вот эта мысль, как раковая опухоль стала разъедать его душу. С ним всё

труднее становилось общаться. Он терял способность слышать других. Всё больше и больше он вещал с гонором Божия посланника. С каждым днём он становился всё менее и менее терпимым, и требовал от чад церкви всё большего. Он проповедовал о полном посвящении. Косвенно, а иногда и прямо, в своих проповедях он выступал против семьи, домашнего очага.

Как результат, некоторые наиболее преданные и послушные члены его общины ушли из своих семей и поселились в церковном офисе. Среди них бросила своих родителей и дочь моего близкого приятеля – врача. Когда он поведал мне о сем печальном факте, я не хотел этому верить и в тот же день направился к Кудашеву решить это, на мой взгляд, недоразумение. Однако, к моему крайнему изумлению, Павел на мое обращение не отреагировал. Вот с этого момента между ним и мной стала расти стена непонимания и отчуждения, хотя я до сих пор с ним не в ссоре.

Вскоре его община раскололась на части. Большая часть отошла от него, а несколько десятков человек – самых фанатичных – остались со своим, так сказать, гуру. Некоторые из них продали свои квартиры, а деньги принесли своему апостолу.

Подробностей я не знаю, не интересовался, но шум в Херсоне был очень большой из-за одной девчонки, у которой родители оказались очень «крутыми». Скандал был громким. И это вынудило Павла покинуть Херсон и осесть в одном из сёл нашей области.

Такая вот, в двух словах, непростая и неблагоприятная судьба одной из протестантских общин».

В Киндийке есть баптистская община, тоже вполне сектантской психологии. Секта, от слова «сектор», ограниченная часть, закрытая зона. Главным признаком секты является замкнутость, закрытость от всего мира, некоммуникативность. Сектанты в основном общаются с членами своей же церкви. Кстати, не было бы счастья, так несчастье помогло. Одна семья была изгнана из их секты за свободомыслие и за то, что имела «наглость» посетить православный храм... И теперь эта семья подвизается в нашей православной церкви.

Так вот, эти киндийские баптисты искренне считают, что Царство Небесное приготовлено только для них, и войдут в обители Отца нашего Небесного исключительно только они. Даже их братская церковь «Голгофа» не сподобится райской вечной жизни, а баптистская «Церковь Христиан» на Таврическом и подавно будет остановлена у врат Божьего Царства. Именно «киндийчан» будет встречать сам Петр, отворив им врата рая.

Наверное, не стоит доказывать, что подобная позиция вполне болезненная. И в духовном, и в психическом плане. Нормальные люди, попав в эту среду, либо выходят из нее, либо перестают быть нормальными.

О. Иоанн. «Есть также одна из нерегистрированных общин у нас, в Херсоне, относящих себя к адвентистам 7-го дня, хотя их другие адвентистские общины за своих не принимают. Это очень маленькая секта, но страшная. Именно к ней подходит слово «тоталитарная». Они собираются по домам, причём, по разным. О чём они проповедуют, и как у них проходят служения, я не знаю, но последствия посещения их секты кошмарные. Я пытался помочь одной женщине, попавшей в эту сектантскую паутину, но бесполезно. Она просто – зомби. Её нужно госпитализировать, и в гипнотическом состоянии депрограммировать».

Это все примеры такого жуткого сектантства. И люди оправдано боятся попасть в сети таких сект, боятся за своих детей, и это правильно.

Но это вовсе не означает, что **ВСЕ** неправославные являются сектантами. **Сектантство – это не просто какая-то неправильная вера. Это особая психология отделенности, замкнутости, неприязни внешнего мира, враждебности к окружающей действительности.** Это отказ от объективного разума и слепое следование авторитету. Это фанатичность и т.д. **Сектантство – это психопатология.** Причём, сектантством могут болеть и православные.

О. Иоанн: «В своей жизни я встречал очень многих православных сектантов и скажу, что православные сектанты ничем не лучше протестантских. Сектантами, между прочим, могут быть даже люди неверующие. Революционеры, например, большевики-фанаты – они были носителями вполне сектантской психологии».

Кстати, многие путают понятия протестантизм с сектантством. Протестанты очень разные, как, впрочем, и православные. Есть вполне нормальные, уважаемые церкви, ну вот, возьмите, баптистскую «Церковь Христиан» на Таврическом поселке. Спокойные люди, миролюбивые, незашоренные. Если Вы придете к ним в гости, Вам там будут рады. Причем, ни слова плохого не скажут о православии. Они собираются, читают Слово Божие, слушают проповедь на библейские темы, поют псалмы, молятся своими словами. Нет никакого психологического пресса, никто никому мозги не промывает. Есть, конечно, нюансы церковной дисциплины, но это иногда даже хорошо. «Великое поручение» - нормальная протестантская церковь, сколько бы рогов ей не пририсовывали.

Вообще, на Херсонщине много есть протестантских церквей, достаточно свободных от сектантского привкуса. Это люди со здоровой головой, пытающиеся построить нормальные отношения и с Богом, и с внешним обществом.

Но тогда возникает вопрос, особенно часто звучащий из уст обывателя: если они такие хорошие, почему же они тогда не в православной Церкви? На такой простой вопрос можно дать так же упрощенный ответ: они не в православии, потому что протестуют. Они ведь протестанты.

Да, есть умеренные протестанты - спокойные, корректные, учтивые, но они всё равно протестанты. Изначальная мотивация создания их церквей – это протест. Против чего?

В основном против грехов, искажений и перегибов, имевших место в традиционных церквях – католической и православной.

Иногда, конечно случается, что эти протесты не-серьезны. Ну, вот вопрос о праздновании седьмого дня. Адвентисты нарочито не празднуют воскресенье. А в принципе, в большинстве, протесты были мотивированы и обоснованы. Как только большой корабль традиционной Церкви кренится вправо или влево, как тут же появляются люди, которые бежали на противоположную сторону корабля, чтобы своей тяжестью выровняли положение судна.

Ну вот, к примеру, утвердился у католиков культ Богоматери, гипертрофированный культ. Если у нас, православных, есть перегибы, то у католиков всё гораздо запущеннее. Почитание Девы Марии затмевает почитание Христа. Практически Богоматерь там на более высоком счету, чем Господь. Там так, конечно, не учат, но ведут себя, будто это именно так.

А это, конечно, неправильно. Однозначно. Вот протестанты и бросились на противоположную чашу весов. Они стали утверждать, что Богоматерь – это простая женщина, которых у нас миллионы – хоть пруд пруди. Ничем она не замечательна, и почтения она не заслуживает.

Ну, сейчас подобное Вы от нормальных протестантов уже не услышите. Это, разве, представители киндийской общины вам такое могут напеть. Потому что 2012-й год близится к завершению. А тридцать-сорок лет назад баптисты с улицы Рабочей именно этими словами и выражали свое отношение к Пресвятой Деве Марии.

Мы с Вами также размышляли о неправильном отношении к иконам, когда даже в православии практикуется не столько иконопочитание, сколько иконопоклонение, когда икона перестает быть объектом молитвенной сосредоточенности, возносящей ум наш к Первообразу Богу, а наделяется как бы «автономной» святостью.

Правильно это? Нет, конечно. И что делают протестанты? Протестуют. Выбрасывают из своих домов иконы и объявляют их идолами. И получается лекарство хуже болезни.

Любой протест – это противостояние. А в противостоянии быть умеренными, взвешенными, выве-

ренными – это грань невозможного. Обычно всё по-другому - лес рубят, щепки летят.

В католической Церкви появляется лжеучение «о сверхдолжных делах и сокровищнице святых». Ну, если в двух словах об этом католическом догмате, то значит, для того, чтобы наследовать жизнь вечную, нужно совершить определенное количество добрых дел. Католики **ЗАРАБАТЫВАЮТ** жизнь вечную. Это уже само по себе неправильно – мы об этом как-то еще, даст Бог, поговорим. Да, так вот, в Церкви есть святые – люди, которые делают так много добра, что этого не только хватает для жизни вечной, но и лишним остается, «сверхдолжным». И этим излишком добра можно легко перекрыть дефицит добрых дел многим грешникам. А весь, так сказать, золотой запас добрых дел, само собою, находится в Церкви. Головной убор папы римского – тиара, знаете, что означает? Тройную власть – на земле, на небе и в преисподней. А как же! Если есть золотой запас добрых дел, то можно грешников прямо из пекла вытаскивать. Поэтому заупокойные молитвы стали восприниматься католиками не как проявление любви к умершим нашим близким и не как солидарность человеческой доброты с благостью Божией, а как некий акт выкупа грешников из оков ада. Современные католики, конечно, уже так не думают, но верили так еще вчера.

И как на это реагируют протестанты? Они полностью отказываются, от какой бы то ни было молитвенной памяти о почивших. Жил брат Петя – о нем непрестанно молилась вся церковь. Преставился Петя, и всё. Молиться о нём запрещено. Почему? – Потому что не изменишь его загробную участь. Но так и православные считают. Мы ведь с Вами здесь не решаем загробную судьбу умерших. А молитва, она ведь многовекторна. Будто молиться Богу можно только категориями: дай это и сделай то. *О. Иоанн:* «Сколько я ни спрашивал, ни один протестант внятным ответом на вопрос: почему им нельзя молиться о перешедших в мир иной, меня не удостоил». Но это также отдельный разговор.

Так вот, можно по-разному относиться к инославным церквям. Свысока, с горделивым надменным взором. Вот я - православный – а ты – какой-то там протестант. Это, такая, ущербная позиция, хотя бы потому, что в Священном Писании сказано: «Гордым Бог противится, а смиренным дает благодать». Правильнее будет относиться ко всем с уважением и любовью. И не нужно бояться диалога. Дескать, меня собьют с толку, перетащат, уволокнут. Если секта, то – да. А если это обычные христиане из протестантов, очень даже полезно говорить с ними на библейские темы. Среднестатистический протестант гораздо больше уделяет внимание изучению слова Божия, чем православный. Почему? Потому что мы делаем этого мало, а они ведь протестанты. Всё, что у нас плохо - у них хорошо. Или, может быть, тоже плохо, но плохо по-другому, с другим знаком, на другом полюсе. Это, кстати, важный момент. По протестантским движениям нам, православным, можно как в зеркале видеть все свои недостатки и пробелы. Кстати, и достоинства. Всё, что у них плохо, у нас с Вами, более-менее, нормально.

Если они много внимания уделяют миссионерской проповеди, то это означает, что мы с Вами этого делаем мало. Если они на своих служениях отказались от древних чинопоследований и молитв, что конечно, на самом деле очень плохо, то это значит, что мы слишком уж привязаны к уставным формам Богослужения. Если у них развита общинность – они хорошо знают друг друга, общаются, помогают друг другу, то это указывает на то, что у нас с этим не всё в порядке. В православном храме могут стоять рядом адвокат с большой ногой и врач травматолог, которому срочно нужна юридическая консультация. И эти два человека, помолясь, каждый пойдёт в свою сторону, так и не послужив друг другу.

Всё это, на самом деле, надо исправлять. А для того, чтобы перестраивать что-то, нужно много думать и сильно хотеть этого.